

* * *

В это пекло, в эту снежную купель
Все уходит, растворяется, сгорает.
Постели мне, моя милая, постель:
Что-то сердце растревожила метель,
Отчего оно болит — и сам не знаю.
Завари мне земляничный крепкий чай
И задерни занавеску поплотнее.
Я усну, и мне приснится светлый май,
И еще такой далекий отчий край,
Где на горных склонах лютики желтеют.
Сколько было, сколько выпало дорог
От Приморья до Балтийского причала.
Но вернуться в край родимый я не смог.
Ты укрой меня теплее. Я продрог.
Или это за окном похолодало.
Там за полночью, за тридевять земель
Свет небес верхушки кедров озаряет.
Постели мне, моя милая, постель:
Что-то сердце растревожила метель,
Отчего оно болит — и сам не знаю.

* * *

На русский холм в глухую ночь взойду.
Россия спит. Безвременье. Поруха.
И лишь Безверье — черная старуха —
Сестер скликает: Злобу и Беду.

Мелькнет огонь,

возникнет зов впотьмах.

Душа болит, и нету ей ответа.

Дай Бог дожить хотя бы до рассвета,

До первой свечи в ангельских руках.

* * *

Пообтерлась душа, обтесалась
Об углы городов и дорог,
О кресты на погостах, о жалость
К тем, кого полюбить я не смог.
Отболела душа, примирилась,
Обрела свой печальный удел
И, не помня обиды, простилась
С теми, кто полюбить не сумел.

* * *

Мальчик бежит по осени,
Листья желтые топчет,
Мальчик бежит по просеке
И беззаботно хохочет.
Парень шагает по осени,
Не чувствуя горечи в воздухе,
По радостям и по горестям
Шагает, не глядя под ноги.
Мужчина бредет по осени,
По дню, что тревожно светел,
И в жесткой волос его проседи
Холодный мечется ветер.
Старик плетется по осени,
Смотрит на небо сквозь линзы.
И улыбается просини,
И свету, и просто жизни.

* * *

Тайна памяти сердце мне гложет.
Не забыть, не исторгнуть вины.
Лунный свет и зовет, и тревожит,
Лунный свет серебрит мои сны.
Не поможет потрепанный сонник
Разгадать, что готовит судьба.
Отцветает у берега донник,
Оседает все глубже изба.
Хорошо бы ее поддомкратить
И из кряжа венцы подвести.
Но никто не вернет мне утраты
И цветы не заставит цвести.

Скоро тропы укроет пороша
И осинник поверит в обман.
Нынче снилась мне белая лошадь,
Уходящая в сонный туман.

* * *

Евгению Морозову

От вечных тем бегут как от чумы,
Другое дело — гаджеты и лайки.
Под дулом кольта не признаем мы
Свое родство от щей и балалайки.
Морозный воздух душу веселил,
И радость встречи согревала сердце.
Казалось, Пушкин сам благословил
Нас по обычью русскому согреться.
Под сенью инсталляций ледяных
Мы пили водку, ели чебуреки
И спорили о судьбах роковых
России и о русском человеке.
Так кто же он: ленивый, раб, творец,
На ниве созидания работник?
Он то терял, то обретал венец,
Величия державности угодник.
Во временах кто только не судил
Его с апломбом непорочных судей?
Да, варвар! Ватник!

Но как он любил —
Теперь в Европе так давно не любят.
С трибун, с экранов просвещают мир,
Как беден он, посконное отребье!
Да, неприкольный! Во дворе сортир,
Но первый в деле на земле и в небе.
Да, делать деньги — не его мечта.
Что золото? Прах пустоты и бренность.
Но для него добро и красота —
Как высшая божественная ценность.
Мы спорили, цедя аперитив,
И шли потом почти в обнимку вместе.
А рядом Пушкин, голову склонив,
Ронял во тьму слова любви и чести.

* * *

Пегас — чудовище мое!
Как много всякой пици,
А ты, забыв про это все,
Живое сердце ищешь.

Возьми пшеничный каравай,
Овса хоть два овина,
Так нет же —
сердце подавай!
На, жри его, скотина!

* * *

В разрывах облаков звезда мелькнула.
Спокойна ночь.

Спокойна и легка.
Мысль о тебе надолго ли уснула?
Мысль о тебе уносят облака.
Лениво память прошлое листает
И задержать не хочет ни строки.
Пускай уходит осень золотая,
И тает в снах тепло твоей руки.
Мне ничего теперь уже не скажут
Ни дом, укрытый в зелени рябин,
Ни пес, лежащий у ворот на страже,
Ни розовые сумерки гардин.
Над всем витает тишина погоста.
Живу надеждой в заклинанье слов.
Не верится, что так легко и просто
От нас уходит вечная любовь.

ВОРОН

О нем и пели, и писали,
И заклинали от него.
А он окинет взглядом дали,
Гортанно крикнет:
— Дни печали
Пройдут. Не бойтесь ничего.

* * *

Я помню ночь под Севастополем,
Случайный при дороге кров:
И россыпь звезд, и листья тополя
Слились в один живой покров.
Тьма за окном была увенчана
Короной будущего дня.
И было в этом что-то вечное,
В котором не было меня.

* * *

Ночная белесая стылая мгла
Как будто навек поглотила пространство.
...Последние крошки смели со стола,
Достали последнее с полок убранство.

Ушли, растворились во мгле снеговой
И стали ветрами, туманом и стужей.
...Мы край этот мертвый покинем с тобой
И станем женой плодоносной и мужем.
И снова наполним просторы окрест
Былыми мечтами и радостью новой.
И сто женихов и сто лучших невест
Пойдут под венец под небесным покровом.
Разбужена Дева!

Настал ее час

В весенней неистовых сил круговерти.
И память опять пробуждается в нас,
И снова любовь торжествует над смертью.

* * *

Какая зыбкость, пасмурность какая!
Пропахло небо горечью полей —
Уходит осень, тихо окликая
Простор гортанным криком журавлей.
Уходит осень по лесным дорогам,
Продрогнув до последнего листка.
И с каждым днем седеет понемногу
От холодов предутренних река.
Проглянет сквозь дожди кусочек сини,
Смешает краски, бросит их вразлет.
Но проступает строгость четких линий
Во всем, что вслед за осенью грядет.